

8. О правах, свободах и социальной интеграции иностранцев: Закон Испании 2/2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russpain.ru/a/Ley-2009/boe_num01.htm. – Дата доступа: 03.04.2019.

9. О пребывании, экономической деятельности и интеграции иностранцев на территории Германии: Закон ФРГ от 25.02.2008 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_aufenthg/englisch_aufenthg.html. – Дата доступа: 19.04.2019.

10. О типовом проекте «О внутренней миграции»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи Евразийского экономического сообщества от 2 ноября 2002 г. № 3-17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.levonevsky.org>. – Дата доступа: 15.04.2019.

11. Основной закон Федеративной Республики Германия от 23 мая 1949 года (с изм. и доп. от 20.11.1997 г.) // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldconstitutions.ru/>. – Дата доступа: 24.03.2019.

12. Рейсен, Т. Изменения в миграционной политике Норвегии // Т. Рейсен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eursa.eu/node/1444>. – Дата доступа: 02.04.2019.

13. Федеральное ведомство по вопросам миграции и беженцев в Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bamf.de/RU/Service/Left/Glossary/function/glossar.html?nn=1439508&lv2=1441992&lv3=1504652>. – Дата доступа: 03.04.2019.

14. Швейцария ограничивает миграцию из ЕС / euronews [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2014/02/10/swiss-voters-cause-upset-with-eu-over-support-for-immigration-quotas/>. – Дата доступа: 10.04.2019.

15. EurostatStatisticsExplained // Eurostat [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/Main_Page. – Дата доступа: 20.03.2019.

УДК 341.01

**НАЗАД К КАНТУ ИЛИ КАКОЙ ПРАВОПОРЯДОК НУЖЕН МИРУ?
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИЙ О ПРИРОДЕ НОРМАТИВНОЙ
СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

*Ивонина О.И.
Новосибирск*

Обсуждение проблем нового миропорядка и природы современных международных отношений, инициированное объективными процессами глобализации, получило новый импульс после окончания Холодной войны.

Доктринальное обоснование приоритетности международно-правового регулирования прав и свобод человека, способов ведения войн и разрешения конфликтов, обеспечения национальной и коллективной безопасности было отражением различных и противоречивых тенденций развития международных отношений на рубеже XX–XXI вв.

Кодификация норм гуманитарного права, в особенности концепции Responsibility to Protect (PR2P), свидетельствовала о признании всем мировым сообществом ценности человеческой жизни в качестве высшей цели развития общества и государства. Ссылки на право мирового сообщества вмешиваться во внутренние дела для «защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» стали обоснованием доктрины ограниченного суверенитета государства в условиях формирующегося демократического мирового сообщества [1].

Антропоцентризм либерального правосознания допускал наличие международной правосубъектности отдельных индивидов, юридических лиц, общественных движений, т.е. не обладающих суверенитетом *per se* участников транснационального взаимодействия.

Акцент на единстве общечеловеческих ценностей в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью, был призван легализовать политику гуманитарных интервенций и операций по поддержанию мира, проводившуюся странами НАТО и США под лозунгом распространения демократии. Противоречие подобного курса нормам Устава ООН не смущало политологов, требовавших создания принципиально новой нормативной и институциональной базы международных отношений, устранения пробелов в действующем международном праве с целью разрешения дилеммы между «принципом Зорро» и «принципом Мюнхена». [2, с.23–24]

Размышления Канта о соотношении свободы и равенства, государственного суверенитета и «всемирного гражданского состояния», правового универсализма и партикуляризма в трактате «К вечному миру» 1795 г. оказались неожиданно созвучными современным дискуссиям о справедливости и эффективности международного права в условиях распада биполярной системы международных отношений и хаоса «эпохи турбулентности».

Отталкиваясь от кантовского понимания морального закона как универсально значимой нормы, применимой ко всем субъектам международных отношений и в любых ситуациях, современные последователи немецкого философа считали реальным воплощением категорического императива основополагающие принципы международного права. Зафиксированные в Статуте Лиги Наций, пакте Бриана-Келлога, Уставе ООН и других международных организаций, они воспринимались как «относящиеся к разряду *строгих* законов, имеющих силу при любых обстоятельствах и требующих *немедленного* осуществления» [3, с.365], [6, р.89]. Дж. Ролз отмечал универсализм категорий свободы, равенства и справедливости, которые не могут

быть предметом торга или калькуляции национальных и государственных интересов [4, с.38].

Х. Булл подчеркивал конвенциональный характер как самого международного права, так и институциональной природы современного мирового порядка, концептуальной основой которых стал кантовский проект «всемирного гражданского состояния» и «мирного союза народов». Для Линклэйтера и Слотер была важна интуиция И. Канта относительно способности мирового сообщества достичь желанного равновесия между свободой и силой отдельных государств, создав «всемирно-гражданское состояние публичной безопасности» посредством вовлечения в процесс выработки «закона объединенной воли» всех субъектов мирового процесса, независимо от их статусной и политической природы [10, р.170].

Кантовский проект «международного права, основанного на публичных и опирающихся на силу законах, которым должно подчиниться каждое государство», исходил из традиционного допущения правового натурализма о том, что «в человеческой природе всегда живо уважение к праву и долгу». Критики естественно-правовой доктрины справедливо указывали на то, что трактат «К вечному миру» представляет собой типичный пример идеального права, «указывающего на то, каким *должно быть* отношение между людьми и государствами» [3, с.350–351].

Смещение ракурса дискуссий о судьбе либерального проекта в сферу размышлений над природой международного права, способного дать адекватный ответ на вызовы современности, способствовало актуализации идей Канта в споре о путях и формах общественного прогресса, пределах и перспективах транзита западных политических и правовых институтов в другие культуры. Апологеты «либерального триумфализма» считали неизбежным переход подавляющего числа участников международных отношений к универсальным ценностям свободы, демократии, уважения прав и свобод человека, открытой и гласной политике.

Отмеченная И.Кантом неразрывная связь договорной природы правового государства с миролюбивым характером его внешней политики стала аксиомой как для неореалистов, так и для неолибералов, утверждающих вслед за немецким философом, что в рамках «формально установленного мирного союза» демократии друг с другом не воюют. Не случайно, по мнению М. Дойла, расширение «зоны мира» усилиями либеральных сообществ сопровождалось распространением демократии, способствуя исполнению мечты В.Вильсона сделать мир более безопасным для демократии, а ценности демократии – приемлемыми во всем мире [7, р.1151–1152].

Проект «международного права, основанного на федерализме свободных народов, в котором каждому из них гарантировано его право» [3, с.385] представлялся Канту компромиссом между свободой и суверенитетом. Философ сознательно противопоставлял свое видение международного правопорядка идеалу всемирного государства А. Сен-Пьера и Ж.-Ж. Руссо, считая главными атрибутами «союза народов» принципы кооперации и субсидиар-

ности. По мнению современных авторов, в условиях глобальной взаимозависимости международное сотрудничество принимает *de jure* и *de facto* различные формы федеративной организации, в рамках которой привилегии и неприкосновенность государственного суверенитета ограничивается во имя безопасности и прав человека, солидарной защиты общих интересов и ценностей. Федерализм, тем самым, выступает институциональной основой международного гуманитарного права, демонстрируя совместимость свободы и порядка, суверенности и интеграции [9, P.917–918].

Создание Лиги Наций, ООН, СБСЕ, ЕС современные последователи Канта считают эмпирическим воплощением собственно либерального проекта «вечного мира». В природе этих международных институтов проявилась, по их мнению, политическая культура и моральные стандарты либерально-демократических режимов: плюрализм, уважение прав и свобод человека, способность к достижению консенсуса по общезначимым проблемам, неукоснительное следование законам и принятым обязательствам. Как иронично заметил Х. Альварес, либеральные государства «всегда ведут себя хорошо и правильно», подчиняя категорическому императиву свои действия внутри и за пределами национальных границ [5, p.183–84].

Таким образом, усилиями либерально-демократических режимов создается не только институциональная основа современного миропорядка – «федерация миролюбивых», – но и его правовое поле. Неолиберальная доктрина современного международного правопорядка, созданная современными последователями И.Канта, неумовимо сближается с цивилизационной дихотомией С. Хантингтона, в рамках которой понятия равенства, справедливости, законности, свободы, международного сотрудничества выступают не просто маркерами западной цивилизации, но и нормативным обоснованием его особой роли в процессе международного правотворчества и правоприменения. В новой мировой иерархии и международном праве легитимируются и легализуются превентивные войны, ведущиеся от имени либерального мирового сообщества против «преступных» тоталитарных режимов, гуманитарные интервенции, прецеденты регионального юнилатерализма (подобно операциям НАТО в Югославии, США и Великобритании в Ираке, Ливии, Афганистане).

Соответствие акторов международного права критериям либеральной демократии должно учитываться, по мнению А.- М. Слотер, в процессе международного признания государств и принятия их в состав международных организаций (прежде всего, в ООН), в ходе реализации программ экономической и гуманитарной помощи, проектов международного сотрудничества [11, p.509].

Итогом и уроком конфликта интерпретаций кантовского трактата 1795 г. в современной науке международных отношений стало новое понимание природы международного права. Толерантность, плюрализм, готовность к признанию прав и свобод «Другого» (несмотря на противоположный характер отстаиваемых им интересов и ценностей), стремление к сотрудничеству на равных во имя решения глобальных проблем, – таков далеко не

полный перечень характеристик идеальной системы нормативного регулирования международных отношений, истоки которого восходят к кантовскому идеалу «вечного мира» между народами.

Список использованных источников

1. Ивонина О.И. Новый Рим в новом мире // Сравнительная политика. 2016. Т.7. № 3(24). С.17-24.
2. Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/ods/A-RES-60-1-E.pdf>. – Дата доступа 28.03.2019.
3. Кант И. Сочинения в 4-х тт. на нем. и рус. яз. Т.1. Трактаты и статьи (1784-1796). М.-Марбург. 936 с.
4. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Наука, 1995, 532 с.
5. Alvarez J.E. Do Liberal States Behave Better? // European Journal of International Law. 2001. Vol.12. № 2. p.183-246. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ejil.org/pdfs/12/2/1516.pdf>. – Дата доступа 28.03.2019.
6. Doyle M.W. Liberalism and World Politics Revisited. // Controversies in International Relations Theory: Realism and neoliberal Challenge. Ed. By C.W. Kegley. N.-Y.: St.Martin`s Press, 1993. pp.83-105.
7. Doyle M.W. Liberalism and World Politics // American Political Science Review. vol.80. No.4. December 1986 . P.1151-1169 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ir.rochelleterman.com/sites/default/files/doyle%201986.pdf>. – Дата доступа 28.03.2019.
8. Doyle M.W. On Democratic Peace // International Security. 1995. Vol.19. No.4. p. 164–168.
9. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. October 1998. P.887–918.
10. Linklater A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations. L.: MacMillan Press, 1990. 216 p.
11. Slaughter A.M. International Law in a World of Liberal States // European Journal of International Law. 1995. Vol.6. № 1. P. 503–538 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ejil.org/pdfs/6/1/1310.pdf>. – Дата доступа 28.03.2019.

УДК 342.537.3:340./30

ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ФОРМА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Козак М.А.

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

Суть теории представительства заключается в том, что в законах должны быть представлены интересы и закреплена воля народа. В науке